

УДК 325.254.4:32

*Лазарева С.И., Шпилева А.Н.
Lazareva S.I., Shpileva A.N.*

Российская эмиграция и развитие образования в Маньчжурии 20-40-х годов XX века

Russian emigration and education in Manchuria in 20-40s of XX century

В статье рассматриваются различные аспекты влияния после-революционной российской эмиграции «первой волны» на социально-политическую, культурную и экономическую жизнь Маньчжурии через воссоздание за пределами России системы традиционного российского образования.

Ключевые слова: образование, эмиграция, русская культура, просвещение, интеллигенция, Маньчжурия, Китай, японизация



The article discusses various aspects of the impact of post-revolutionary Russian emigration «first wave» of the socio-political, cultural and economic life of Manchuria through recreation outside Russia of traditional Russian education.

Key words: education, immigration, russian culture, education, intelligence, Manchuria, China, japanization

Продолжая исследование различных аспектов влияния после-революционной российской эмиграции «первой волны» на социально-политическую, культурную и экономическую жизнь Маньчжурии, авторы в данной статье рассматривают созданную вдали от родины систему традиционного российского образования.

Русская колония в Маньчжурии сформировалась в три основных этапа и включала старожилов, прибывших и осевших в Маньчжурии до Октября 1917 года; эмигрантов-участников белого движения и солидарных с ними, включая семьи ушедших в Китай в 1917–1922 годах; а также российских граждан, прибывших из СССР после 1922 года. Основная масса беженцев поселилась в Харбине, где к 1929 году проживало более 160 тыс. человек, русских эмигрантов из них – 30362 человека, семей – 8156. Всего же в 1930 году в Китае насчитывалось 125 тыс. россиян, из них 110 тыс. проживали в Маньчжурии и лишь 15 тыс. – в других районах страны (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 218. Л. 8).

Важно отметить, что русские эмигранты сумели сохранить родной язык, русские национальные обычаи и традиции, культуру быта и труда, способствовали модернизации образования и созданию такой образовательной системы, которая удовлетворяла практические запросы и духовные интересы не только русского, но и китайского населения. Она

ЛАЗАРЕВА Светлана Ивановна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)

ШПИЛЁВА Алла Николаевна, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток)

включала в себя общеобразовательные школы, гимназии, коммерческие училища, высшие учебные заведения. Характерной особенностью в учебных заведениях являлся билингвизм (преподавание на русском и китайском языках), смешанное образование. В Харбине были задействованы особые механизмы сохранения «русскости», адаптации российских эмигрантов к местным условиям и полосе отчуждения КВЖД, которые складывались исторически на протяжении десятков лет. Русская школа в Маньчжурии выступала в роли не только хранительницы национальных ценностей, но и передавала молодому поколению, в том числе и китайцам, большую часть русских достижений, традиций и культурного наследия.

Система школьного образования базировалась на российской дореволюционной модели, которая включала в себя как начальные школы, так и средние учебные заведения.

Развитие школьного образования в полосе отчуждения КВЖД шло по двум статьям расходов: на средства управления дороги и от частной инициативы. Первая русская школа в Маньчжурии была открыта на средства КВЖД в 1898 году в Старом Харбине. Возглавил её педагог И.С. Степанов. Далее школы стали появляться не только в административном городе Харбине, но и вдоль железной дороги, в посёлках и на крупных станциях. Преимущество при приёме отдавалось детям, чьи родители работали или были связаны с железной дорогой. Несмотря на тяжёлое положение в годы русско-японской войны учебный процесс не прекращался, а школы продолжали строиться. Рост населения в полосе отчуждения за счёт свободных поселенцев, не имевших отношения к деятельности железной дороги, вызывал насущную потребность в создании частных школ, гимназий и других учебных заведений.

Первая 4-х классная гимназия была открыта в Харбине в 1903 году М.С. Генерозовой, ранее преподававшей в Смольном институте Петербурга и отдавшей педагогической деятельности 35 лет (**ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 78, л.186-190**). М. А. Оксаковская в 1906 году основала первую Харбинскую женскую гимназию. Воспоминания о времени учёбы в ней сохранила наша соотечественница, известная поэтесса и танцовщица восточной ветви русского зарубежья Ларисса Андерсен.

В 1925 году в Харбине также открывается Гимназия Христианского союза молодых людей (РХСМ). Она имела обширную программу деятельности, основанную на традициях русской классической культуры, целью которой было развитие у молодого поколения эмигрантов стремления к упорной работе над своим образованием. Учащимся предлагалось самостоятельно выбирать пути и формы самообразования, создавались благоприятные условия для развития христианской культуры у юношей и девушек. Кроме русских в гимназии также учились поляки, сербы, татары, грузины, корейцы, китайцы. Это способствовало межнациональному сближению, расширяло познания гимназистов в области культуры, традиций, обычаев других народов.

Кроме теоретических курсов по истории, литературе, естественным наукам большое внимание уделялось воспитанию у молодых людей высоких нравственных качеств и гражданской позиции. В этом им помогали талантливые педагоги такие, как А.А. Ачаир-Грызов, Н.А. Мирандов, Т.П. Гордеев, Е.Н. Киструсская и другие. Так, Алексей Алексеевич Ачаир-Грызов, помимо преподавательской деятельности, активно и вполне успешно занимался литературным творчеством. Он был руководителем литературной студии «Молодая Чураевка», созданной на базе ХСМЛ, как «независимый национальный центр культуры христианского, рыцарского, русского братства» в 1926 году. Молодёжи нравилось, когда учитель читал свои стихи, аккомпанируя себе на рояле. Здесь вы-

ступали с интересными сообщениями Вс. Иванов, Арсений Несмелов, Н.К. Рерих. Беседы и доклады, концерты и собрания, театральные постановки происходили еженедельно [1, с. 23].

Трудно переоценить роль школ и гимназий, в условиях зарубежья позволивших родителям дать детям русское образование и воспитание, сохранить родной для них язык, национальную самобытность и культуру.

В Маньчжурии, и это подтверждается рядом исследований, сложились довольно благоприятные условия для образовательной деятельности в отличие от европейских стран, где также обосновались эмигранты «первой волны». В частности, в Германии, Франции со второй половины 20-х годов дети эмигрантов, как правило, посещали местные школы. Русские же учебные заведения, которые функционировали лишь за счёт частных пожертвований самих эмигрантов и незначительной помощи со стороны правительств-стран проживания, закрывались по причине скудности поступлений средств, а дисциплины, призванные знакомить детей с русской культурой, изучались частным порядком. К концу 1929 года в странах Европы имелось лишь 37 русских средних школ, где обучались около 5,5 тыс. учащихся [10, с. 360]. Данное обстоятельство позволило Харбину в этом отношении занять лидирующие позиции. Этому способствовали и особые механизмы сохранения «русскости» и адаптации русских эмигрантов к местным условиям в Харбине и полосе отчуждения КВЖД, которые складывались исторически на протяжении десятков лет. Дети эмигрантов в Маньчжурии, как правило, не посещали китайскую школу. У них был выбор между русской и англоязычной (английской или американской) школами. В большинстве случаев родителями предпочтение отдавалось русскому образованию.

Необходимо отметить, что подобные результаты сохранения традиций русской школы и их развития в чрезвычайно сложных условиях эмиграции были достигнуты также благодаря поистине подвижническому труду педагогов.

Так, в школах КВЖД к концу 1930 года трудилось 420 учителей, 77 человек из них имели высшее образование, неполное высшее – 101, средне-специальное – 73, остальные – среднее [7, с. 41]. Примечательно то, что к этому периоду в школах не осталось педагогов с неполным средним образованием, тогда как десятью годами ранее их было около 50 чел.

В период с 1922 по 1930 год более чем в два раза возросло число учителей, имеющих стаж работы от 11 до 15 лет и от 16 до 20 лет. Менялся и возрастной состав преподавателей. Если в 20-е годы основу педагогических коллективов составляла молодёжь от 20 до 30 лет и люди среднего возраста от 31 до 40 лет, то в 30-х годах почти вдвое возросло количество учителей среднего возраста, имеющих хорошее образование, педагогический стаж и немалый жизненный опыт, что, естественно, сказалось и на качестве образования. Подобная картина наблюдалась и в других русских учебных заведениях Китая [4, с. 66].

В целях лучшей организации школьного процесса в 1906 году был образован учебный отдел, которым в течение 20 лет руководил талантливый педагог, подвижник и администратор Н.В. Борзов. Созданное в 1908 году Харбинское общественное управление (ХОУ) взяло на себя содержание всех школ, где обучались дети, не служивших на дороге родителей. Расходы ХОУ на учебную часть до 16% всего городского бюджета и имели тенденцию к росту (ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 42. Л. 95). В 1910 году ХОУ получило полную самостоятельность в содержании своих школ, а школы, содержавшиеся на средства железной дороги и частные, находились под патронажем учебного отдела КВЖД.

За 10 лет с момента появления первой школы в полосе отчуждения КВЖД (1898–1908 гг.) вдоль линии дороги насчитывалось 18 начальных школ с 50 преподавателями и 1825 учащимися. Но уже к 1917 году в Маньчжурии было 50 начальных школ, 22 из которых – железнодорожных, мужское и женское коммерческие училища, трёхклассная торговая школа и технические классы при Харбинских железнодорожных мастерских. Имелись две частные женские гимназии, частное мужское учебное заведение 1-го разряда, 5 начальных школ и школа-приют для детей офицеров и нижних чинов пограничной стражи Заамурского округа, одно высшее начальное училище, содержавшееся на средства ХОУ.

Следует отметить, что в русские школы принимались и китайские дети. К примеру, в 1903 году в Харбине была открыта Образцовая русско-китайская школа, в которой занималось 20 китайских мальчиков. В Цицикаре работала русская школа для китайцев, где учились 35 китайских детей [5, с. 158]. При главных железнодорожных мастерских в Харбине были созданы вечерние курсы, где учились и одновременно приобретали специальность русские и китайские подростки.

Повышению внимания к распространению знаний среди китайских детей послужило то, что в Южной Маньчжурии, отошедшей после войны к Японии, японцы проводили активные преобразования в области образования. Потому подготовка будущих кадров для КВЖД, воспитание русских и китайцев в духе взаимной солидарности стало одной из важнейших забот администрации КВЖД. Учебные заведения, где обучались китайцы, строились и содержались за счёт дороги. По окончании среднего учебного заведения китайские подростки могли продолжить учёбу в России, а также в местных учебных заведениях (РГИА ДВ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 684. Л. 29). Практика совместного обучения русских и китайских детей продолжалась и в советское время, но обучение для всех стало платным. Содержание одного русского ученика в школе 1-й ступени в 1926 году составляло 69,9 руб., а китайского – 77,5 руб., в школе 2-й ступени – 137,7 руб. и 272 руб. соответственно. Разница в оплате объяснялась тем, что китайские учебники и методические материалы обходились дороже, чем русские [3, с. 199].

С переходом КВЖД в совместное управление заметно увеличилось количество школ для детей китайских служащих и рабочих. Принимались в них и дети частных лиц китайского происхождения. К концу 30-х годов функционировали 16 городских и линейных, две частные школы, среднее учебное заведение, училище Пу Юй и специализированное училище, имевшее название «Юбилейное техническое училище имени первого председателя правления дороги Сюй Цзинчена».

Наряду с организацией школьного образования в Маньчжурии русские эмигранты в эти же годы приступили к созданию системы высшего образования.

В 1922 году на базе Русско-китайского техникума после соответствующих преобразований был основан Русско-китайский политехнический институт, со временем ставший крупнейшим высшим учебным заведением среди 6 русских вузов Харбина. Своим основанием институт, прежде всего, обязан КВЖД. Администрация дороги предоставила институту помещение, необходимое оборудование, а также приняла решение о выделении ежегодной субсидии в 75 тысяч рублей золотом [8, с. 525]. Помимо этого в финансировании проекта приняли участие Харбинский Биржевой комитет и частные лица.

Коллегиальным органом института было правление, избиравшееся ежегодно из русских и китайских представителей. Российская сторона была представлена

В.Ф. Ковальским, С.Ц. Оффенбергом, П.С. Тищенко и др. Предсе-

дателем правления являлся Н.Л. Гондатти, первым директором – инженер А.А. Шёлков (1920–1925). Институт имел два факультета: электромеханический и инженерно-строительный, а также подготовительные курсы для китайских студентов. В феврале 1928 года институт переименовывается в Политехнический институт Особого района Восточной провинции, а уже в ноябре – в Харбинский политехнический институт (ХПИ), в правление которого стали входить представители СССР на КВЖД и высшей китайской администрации.

Десятилетний юбилей института в 1930 году был широко отмечен не только самим коллективом, но и общественностью Харбина. К тому времени уже было создано 17 кафедр и 4 доцентуры, количество студентов составляло 902 человека [6, с. 125-126]. В ХПИ преподавали С.П. Тимошенко, П.Ф. Козловский, О.М. Обухов, Н.К. Пафнутьев, П.С. Свиридов и другие.

После оккупации Маньчжурии Японией ХПИ в 1934 году был закрыт для русских студентов, русский служебный персонал уволен. Однако часть бывших преподавателей организовала курсы при Христианском союзе молодых людей под названием Северо-Маньчжурский политехнический институт. Претерпев ещё ряд преобразований, после освобождения Маньчжурии Советской Армией в декабре 1945 года ХПИ открылся вновь. К концу 1949 года число его выпускников составляло более чем 3500 человек. В связи с образованием КНР правительство Советского Союза 7 июня 1950 года передало институт китайской стороне. К 1955 году использование русского языка в ХПИ было отменено [8, с. 525].

Кроме политехнического института в Харбине в 30-е годы работали ещё пять вузов, в которых было более 1600 русских студентов. По количеству наших соотечественников, обучавшихся в высших учебных заведениях, Харбин уступал только Парижу, где в 1928 году насчитывалось 2385 русских студентов-эмигрантов [6, с. 125-126].

В 1920 году русскими профессорами был основан Харбинский юридический факультет с тремя отделениями: юридическим, экономическим, ориентальным. В нём работали 34 русских преподавателя-эмигранта (ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 129. Л. 60, 75, 78).

В этом же году создаётся и Педагогический институт. Среди его выпускников О.М. Макарова, Л.М. Добржанская, К.М. Имшеницкая и др. Посвятившие свою жизнь педагогической деятельности, обладавшие высокими гражданскими качествами, они стремились сформировать у студентов национальное самосознание, любовь к родине и всему русскому. Многие женщины, окончившие Харбинский педагогический институт, пошли работать в русские учебные заведения, которых к началу 30-х годов насчитывалось 74 без учёта вузов, спецшкол, кратковременных курсов. Всего же в средних и начальных учебных заведениях в 1930 году качестве преподавателей работали более 150 женщин.

В 1925 году был открыт Институт ориентальных и коммерческих наук.

Популярностью также пользовались Северо-Маньчжурский университет, где наряду с русскими обучались и китайские студенты, а также Институт иностранных языков.

К 1932 году получили вузовское образование 6 тысяч русских (ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. д. 41. Л. 8, 13, 14).

И если главной задачей начальной и средней школы было изучение родного языка и знакомство с русской культурой, то высшая школа рассматривала своё предназначение гораздо шире. Помимо подготовки студенческой молодёжи к активной профессиональной и общественной деятельности ставилась задача создания условий для русской интеллигенции продолжать свою научную и творческую деятельность за преде-

лами родины. Стремясь сохранить российские традиции, вероисповедание, культуру, преподаватели были искренне уверены, что готовят кадры для будущей России. Эта уверенность держалась на устойчивой убеждённости эмигрантов в скором возвращении на родину и желании дать достойное образование своим детям.

В начале 30-х годов во многих странах, где проживали русские эмигранты, стали создаваться Объединения русских, окончивших высшие учебные заведения за рубежом (ОРОВУЗы). Их целью было оказание всевозможной помощи нуждающимся студентам, прежде всего, в успешном завершении образования, а также содействие в трудоустройстве русских специалистов. Одним из первых ОРОВУЗ появился во Франции.

В 1932 году при Харбинском комитете помощи русским беженцам был организован ДальОРОВУЗ под председательством профессора Н.Е. Эсперовой. Почётным председателем являлся генерал Д.Л. Хорват, учредителями стали 19 человек, в том числе Б.С. Румянцев, А.Е. Грачёв, М.М. Покровский и др.

На первом съезде вышеуказанных объединений, проходившем в сентябре 1932 года в Париже, представители от шести стран, в том числе и Маньчжурии, приняли постановление, узаконившее деятельность объединения, а также его программу и Устав.

ДальОРОВУЗ помимо помощи студентам-эмигрантам в Китае, изыскивал возможности обучения молодых людей в других странах, в частности, в США. В первый год своей деятельности организация насчитывала 76 человек, но уже через год в её рядах состояло 159 человек. Это были юристы, педагоги, синологи, инженеры из Харбина, Шанхая, Мукдена, Тяньцзиня.

Японская оккупация Маньчжурии, как мы уже упоминали ранее в отношении ХПИ, подвергла последовательной «японизации» всю систему образования. Этот процесс начался ещё в 20-х годах на территории Квантунской области и в зоне отчуждения КВЖД.

С марта 1932 года в Маньчжоу-Го стали пребывать японские специалисты в различных областях образования, началось издание новых учебников, учебных пособий и другой методической литературы, в основу содержания которых были положены морально-этические принципы конфуцианства.

Цель создания новых учебников – дать интерпретацию с позиций Японии внутренним и международным событиям, воспитывать у молодёжи и населения лояльное отношение к режиму и побуждать к сотрудничеству с Японией. Уже в 1935 году было открыто 280 школ японского языка (ГАХК. Ф. 1128. оп. 1. Д. 41. Л. 15, 18).

В 1937 году была проведена реформа народного образования, которая не могла не затронуть и русскую диаспору. Японские власти стремились создать такую систему образования и воспитания, которая бы способствовала формированию у молодого поколения прояпонских убеждений, обеспечивая тем самым сохранение политического и экономического господства Японии в Маньчжурии. Для достижения этой цели все учебные заведения, в том числе и эмигрантские, переводились на единые учебные программы и централизованное управление.

В связи с реформой были закрыты русские частные учебные заведения: гимназия Я.В. Дризуль, Объединённая гимназия, в 1935 году возникшая на базе слияния гимназий М.С. Генерозовой и Пушкинской, учебные заведения М.А. Оксаковской, Первое реальное училище, Алексеевское реальное училище, Первое общественное коммерческое училище.

Что касается последнего, то оно было перестроено в Первую Харбинскую русскую школу языкознания, где основу преподавания состав-

ляло обучение японскому языку.

По особому разрешению властей сохранилось несколько частных школ: детский сад и школа Чесноковой, детский сад и школа Тороповой, еврейские и мусульманские начальные школы.

В мае 1937 года все эмигрантские школы были переведены на трёхступенчатую основу: первая ступень – начальные школы, вторая – повышенные народные школы, третья – высшие народные школы с четырёхлетним циклом обучения.

Учебно-воспитательный процесс в учебных заведениях строился в духе принципов Ван-Дао. Стратегия образования и просвещения разрабатывалась идеологами из Кио-Ва-Кай, от решения особого отдела этой организации зависела также и судьба самих учебных заведений. На губернских съездах Кио-Ва-Кай решались вопросы, связанные с функционированием учебных заведений: организация учебного процесса, снабжение школ, разработка направлений и форм воспитательной работы и т.д.

Тем не менее, в тяжелейших условиях оккупации 30-40-х годов в Харбине продолжали действовать старые учебные заведения и даже возникали новые. К последним можно отнести Приют францисканок (основательница – игуменья Мария Де-Лянж), Приют урсудинок (основательница – игуменья Мария Сливовская), Высшая народная школа Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) (директор – Ф.К. Мухачев), Народная школа на Почтовой улице, Затонская школа, а также несколько профессиональных школ [9, с. 15].

Старшему поколению эмигрантов потребовалась большая изобретательность, дипломатический талант и настойчивость, чтобы в условиях оккупации найти адекватные времени и условиям формы образования и воспитания, которые позволили бы новым поколениям, не знавшим России, сохранить к ней любовь и духовную привязанность.

Сложной и противоречивой была научная жизнь дальневосточной эмиграции.

В 30-е годы в Маньчжурии находилось около 200 русских учёных, среди них бывшие профессора российских университетов и высших школ. Однако если брать самые первые годы эмиграции, то эта цифра была бы значительно больше. Из Владивостока вместе с другими беженцами выехала группа профессоров Томского, Иркутского университетов, других вузов Дальнего Востока и Сибири. Среди них профессора Н.В. Устриялов, И.Г. Баранов, Е.М. Чепурковский, Б.В. Скворцов и др. [2, с. 301]. Дальневосточный Государственный университет вынуждены были покинуть такие известные профессора, как В.А. Рязановский, С.М. Широкоглазов, Г.К. Гинс и др. Среди русских семей, выехавших в Маньчжурию, были целые научные династии. Семья Елисеевых дала зарубежью трёх выдающихся исследователей. Отец Сергей Григорьевич являлся ведущим специалистом по Китаю и Японии, сын Никита Сергеевич был признанным знатоком Ближнего Востока, второй сын Вадим Сергеевич продолжил исследования отца, а позднее стал директором музея китаеведения в Париже [2, с. 303].

Подлинным центром русской науки стал Харбин, где в разные периоды действовали одиннадцать высших учебных заведений с выдающейся русской профессурой. Харбинский юридический факультет внёс заметный вклад в интеллектуальную жизнь русского зарубежья. Уровень, на котором проводились исследования, был столь высок, что вклад факультета в науку сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Помимо собственного журнала, харбинские профессора и лучшие студенты печатались на страницах иностранных изданий, писали монографии. Так профессора Г.К. Гинс и В.А. Рязановский активно за-

нимались изучением проблем международных отношений, проводили анализ политической ситуации и права в Монголии.

Наличие значительной научной базы в Маньчжурии способствовало созданию научных обществ. Общество врачей было образовано в Харбине в 1929 году, учредителями которого стали известные врачи Г.А. Бергман, А.В. Линдер (председатель), М.К. Коровко, С.Е. Мазин, В.Ф. Серебряков и др. (ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д.78. Л. 219). Просуществовав 10 лет, Общество провело 102 научных заседания, на которых было заслушано 122 доклада, подготовлено несколько выставок новейшей аппаратуры. Члены организации приняли непосредственное участие в борьбе с холерой и другими заболеваниями. В этот же период самостоятельно и плодотворно действовало Общество молодых фельдшеров и акушеров под председательством М.Т. Попова.

17 лет просуществовало Учительское общество под председательством директора Высшей народной школы Ф.К. Мухачева, в состав которого входили эмигранты-педагоги.

Общество инженеров состояло из двух ветвей: объединения русских инженеров, получивших высшее техническое образование в специальных учебных заведениях императорской России, под председательством талантливого инженера М.М. Осколкова, а также союза российских инженеров, закончивших высшие учебные заведения в Маньчжурии и других странах, который возглавлял инженер Н.И. Калугин [2, с. 306].

Возглавляемое профессором Н.И. Никифоровым в Харбине действовало объединение русских журналистов, целью которого была защита профессиональных, экономических и правовых вопросов русских журналистов в эмиграции [2, с. 307-308].

В кругах научной интеллигенции дальневосточного зарубежья достаточно известны были Общество русских ориенталистов (1922), Общество изучения Маньчжурского края (1922), Национальная организация исследователей Пржевальцев (1929) и целый ряд других научных организаций и кружков.

Общества ежегодно издавали научные журналы, сборники, где публиковались отчёты экспедиций, итоговые результаты крупных исследований, статьи по широкому кругу проблем. Большой популярностью пользовались такие издания, как «Экономический вестник Маньчжурии», Статистические ежегодники, «Вестник Азии», «Известия Общества изучения Маньчжурского края» и др. В период с 1922 по 1928 годы Обществом изучения Маньчжурского края было издано 70 тысяч книг, 10 выпусков «Известий», 16 – «Бюллетеней», 9 – «Трудов» (ГАХК. Ф. 380. Оп. 1. Д. 112, Л. 123).

Значительная роль в организации научной деятельности принадлежала ДальОРОВУЗУ. В 1932 году при активном участии объединения было проведено торжественное совещание, посвящённое памяти выдающихся русских учёных – академика С.Ф. Платонова и профессора А.А. Кизеветтера. Культурно-просветительская работа проводилась в форме «чашек чая», «интеллектуальных центров». На них собирались для общения литераторы, историки, философы, экономисты, юристы, происходил обмен идеями, обсуждалось положение дел в России, распространялась информация о достижениях в науке, литературе, искусстве, истории и др. Целям пропаганды знаний служили секции при ДальОРОВУЗе: восточно-экономическая, инженерная, физико-математическая и др. В 1933 году появилась секция отечествоведения и кружок изучения России.

Важную роль в системе образования и научно-исследовательской деятельности играли библиотеки, хотя их фонды были не столь богаты. Наибольшей популярностью пользовались библиотеки Коммерческого

собрания, Харбинского Комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ), Бюро по делам Российских эмигрантов (БРЭМ) и др.

Следует отдать должное российским эмигрантам в Маньчжурии, сумевшим в трудных условиях существования не только сохранить русское образование и науку, но и обогатить их новыми идеями, глубокими теоретическими исследованиями, которые ещё предстоит изучить и осмыслить новым поколениям исследователей.



Литература

1. Андерсен Л.Н. Одна на мосту. М.: Русский путь. Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006. 483 с.
2. Великая Маньчжурская империя (10-му юбилею). Харбин, 1942.
3. Кузнецов В.С. КВЖД и развитие Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1990, № 4.
4. Лазарева С.И., Сергеев О.И., Горкавенко Н.Л. Российские женщины в Маньчжурии. Краткие очерки из истории эмиграции. Владивосток, 1996.
5. Мелихов Г.В. Маньчжурия далёкая и близкая. М., 1991. 315 с.
6. Печерица В.Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток, 1994. 188 с.
7. Поляков Д., Эльтеков Б. Железнодорожные школы для детей граждан СССР // Вести Маньчжурии, 1930. № 18.
8. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 596 с.
9. Рубеж. 1938. № 3.
10. Руднев В.В. Судьбы эмигрантской школы // Хрестоматия. Педагогика русского зарубежья. М., 1996.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Andersen L.N. Odna na mostu. M.: Russkij put'. Biblioteka-fond «Russkoe zarubezh'e», 2006. 483 s.
2. Velikaya Man'chzhurskaya imperiya (10-mu yubileyu). KHarbin, 1942.
3. Kuznetsov V.S. KVZHD i razvitie Man'chzhurii // Problemy Dal'nego Vostoka. 1990, № 4.
4. Lazareva S.I., Sergeev O.I., Gorkavenko N.L. Rossijskie zhenshhiny v Man'chzhurii. Kratkie ocherki iz istorii ehmigratsii. Vladivostok, 1996.
5. Melikhov G.V. Man'chzhuriya dalyokaya i blizkaya. M., 1991. 315 s.
6. Pecheritsa V.F. Vostochnaya vetv' russkoj ehmigratsii. Vladivostok, 1994. 188 s.
7. Polyakov D., EHl'tekov B. ZHeleznodorozhnye shkoly dlya detej grazhdan SSSR // Vesti Man'chzhurii, 1930. № 18.
8. Primorskij kraj: Kratkij ehntsiklopedicheskiy spravochnik. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1997. 596 s.
9. Rubezh. 1938. № 3.
10. Rudnev V.V. Sud'by ehmigrantskoj shkoly // KHrestomatiya. Pedagogika rossijskogo zarubezh'ya. M., 1996.